

Pedro Calderón de la Barca

LA VIDA ES SUEÑO (fragmento)

Jornada Primera

Suena ruido de cadenas

CLARÍN: ¿Qué es lo que escucho, cielo!

ROSAURA: Inmóvil bulto soy de fuego y hielo.

CLARÍN: ¿Cadenita hay que suena?
Mátenme, si no es galeote en pena.
Bien mi temor lo dice.

Dentro SEGISMUNDO

SEGISMUNDO: ¡Ay, mísero de mí, y ay infelice!

ROSAURA: ¡Qué triste vos escucho!
Con nuevas penas y tormentos lucho.

CLARÍN: Yo con nuevos temores.

ROSAURA: Clarín...

CLARÍN: ¿Señora...?

ROSAURA: Huyamos los rigores
de esta encantada torre.

Педро Кальдерон де ла Барка

ЖИЗНЬ ЕСТЬ СОН (отрывок)

Хорнада первая

Внутри слышится звон цепей

КЛАРИН: О, небо, что за звук я слышу!

РОСАУРА: От страха я - огонь и лед!

КЛАРИН: Эге! Цепочка зазвенела.
Испуг мой весть мне подает,
Что здесь чистилище преступных.

СЕХИСМУНДО, в башне - РОСАУРА, КЛАРИН

Сцена 2-я

СЕХИСМУНДО (за сценой): О, я несчастный! Горе мне!

РОСАУРА: Какой печальный слышу голос!
Он замирает в тишине
И говорит о новых бедах.

КЛАРИН: И возвещает новый страх.

РОСАУРА: Кларин, бежим от этой башни.

КЛАРИН: Я не могу: свинец в ногах.

CLARÍN: Yo aún no tengo
ánimo de huír, cuando a eso vengo.

ROSAURA: ¿No es breve luz aquella
caduca exhalación, pálida estrella,
que en trémulos desmayos
pulsando ardores y latiendo rayos,
hace más tenebrosa
la obscura habitación con luz dudosa?
Sí, pues a sus reflejos
puedo determinar, aunque de lejos,
una prisión obscura;
que es de un vivo cadáver sepultura;
y porque más me asombre,
en el traje de fiera yace un hombre
de prisiones cargado
y sólo de la luz acompañado.
Pues huír no podemos,
desde aquí sus desdichas escuchemos.
Sepamos lo que dice.

**Descúbrese SEGISMUNDO con una cadena y
a luz vestido de pieles**

SEGISMUNDO: ¡Ay mísero de mí, y ay infelice!
Apurar, cielos, pretendo,
ya que me tratáis así,
qué delito cometí
contra vosotros naciendo.

РОСАУРА: Но не горит ли там неясный,
Как испаренье слабый свет,
Звезда, в которой бьются искры,
Но истинных сияний нет?
И в этих обморочных вспышках
Какой-то сумрачной зари,
В ее сомнительном мерцании
Еще темнее там внутри.
Я различаю, хоть неясно,
Угрюмо мрачную тюрьму,
Лежит в ней труп живой, и зданье -
Могила темная ему.
И, что душе еще страшнее,
Цепями он обременен,
И, человек в одежде зверя,
Тяжелым мехом облечен.
Теперь уж мы бежать не можем,
Так встанем здесь - и в тишине
Давай внимать, о чем скорбит он.

**Створы двери раскрываются, и предстает
СЕХИСМУНДО в цепях, покрытый звериной
шкурой. В башне виден свет.**

СЕХИСМУНДО: О, я несчастный! Горе мне!
О, небо, я узнать хотел бы,
За что ты мучаешь меня?
Какое зло тебе я сделал,
Впервые свет увидев дня?

Aunque si nació, ya entiendo
qué delito he cometido;
bastante causa ha tenido
vuestra justicia y rigor,
pues el delito mayor
del hombre es haber nacido.
Sólo quisiera saber
para apurar mis desvelos
-dejando a una parte, cielos,
el delito del nacer-,
¿qué más os pude ofender,
para castigarme más?
¿No nacieron los demás?
Pues si los demás nacieron,
¿qué privilegios tuvieron
que no yo gocé jamás?
Nace el ave, y con las galas
que le dan belleza suma,
apenas es flor de pluma,
o ramillete con alas,
cuando las etéreas salas
corta con velocidad,
negándose a la piedad
del nido que dejan en calma;
¿y teniendo yo más alma,
tengo menos libertad?
Nace el bruto, y con la piel
que dibujan manchas bellas,
apenas signo es de estrellas
-gracias al docto pincel-,

Но раз родился, понимаю,
В чем преступление мое:
Твой гнев моим грехом оправдан,
Грех величайший - бытие.
Тягчайшее из преступлений -
Родиться в мире. Это так.
Но я одно узнать хотел бы
И не могу понять никак.
О, небо (если мы оставим
Вину рожденья - в стороне),
Чем оскорбил тебя я больше,
Что кары больше нужно мне?
Не рождены ли все другие?
А если рождены, тогда
Зачем даны им предпочтенья,
Которых я лишен всегда?
Родится птица, вся - как праздник,
Вся - красота и быстрый свет,
И лишь блеснет, цветок перистый,
Или порхающий букет,
Она уж мчится в вольных сферах,
Вдруг пропадая в вышине:
А с духом более обширным
Свободы меньше нужно мне?
Родится зверь с пятнистым мехом,
Весь - разрисованный узор,
Как символ звезд, рожденный кистью
Искусно - меткой с давних пор,
И дерзновенный и жестокий,
Гонимый вражеской толпой,

cuando, atrevido y cruel,
la humana necesidad
le enseña a tener crueldad,
monstruo de su laberinto;
¿y yo, con mejor instinto,
tengo menos libertad?
Nace el pez, que no respira,
aborto de ovas y lamas,
y apenas bajel de escamas
sobre las ondas se mira,
cuando a todas partes gira,
midiendo la inmensidad
de tanta capacidad
como le da el centro frío;
¿y yo, con más albedrío,
tengo menos libertad?
Nace el arroyo, culebra
que entre flores se desata,
y apenas sierpe de plata,
entre las flores se quiebra,
cuando músico celebra
de las flores la piedad
que le dan la majestad
del campo abierto a su huída;
¿y teniendo yo más vida,
tengo menos libertad?
En llegando a esta pasión,
un volcán, un Etna hecho,
quisiera sacar del pecho
pedazos del corazón.

Он познает, что беспощадность
Ему назначена судьбой,
И, как чудовище, мятется
Он в лабиринтной глубине:
А лучшему в своих инстинктах,
Свободы меньше нужно мне?
Родится рыба, что не дышет,
Отброс грязей и трав морских, -
И лишь чешуйчатой ладьею,
Волна в волнах, мелькнет среди них,
Уже кружиться начинает
Неутомимым челноком,
По всем стремиться направлениям,
Безбрежность меряя кругом,
С той быстротой, что почерпает
Она в холодной глубине:
А с волей более свободной,
Свободы меньше нужно мне?
Ручей родится, извиваясь,
Блестя, как уж, среди цветов,
И чуть серебряной змеею
Мелькнет по зелени лугов.
Как он напевом прославляет
В него спешащие взглянуть
Цветы и травы, меж которых
Лежит его свободный путь,
И весь живет в просторе пышном,
Слагая музыку весне:
А с жизнью более глубокой
Свободы меньше нужно мне?

¿Qué ley, justicia o razón
negar a los hombres sabe
privilegios tan süave
excepción tan principal,
que Dios le ha dado a un cristal,
a un pez, a un bruto y a un ave?

ROSAURA: Temor y piedad en mí
sus razones han causado.

SEGISMUNDO: ¿Quién mis voces ha escuchado?
¿Es Clotaldo?

CLARÍN: Di que sí.

ROSAURA: No es sino un triste, ¡ay de mí!,
que en estas bóvedas frías
oyó tus melancolías.

SEGISMUNDO: Pues la muerte te daré
porque no sepas que sé
que sabes flaquezas mías.
Sólo porque me has oído,
entre mis membrudos brazos
te tengo de hacer pedazos.

CLARÍN: Yo soy sordo, y no he podido
escucharte.

Такою страстью проникаясь
И разгораясь, как вулкан,
Я разорвать хотел бы сердце,
Умерить смертью жгучесть ран.
Какая ж это справедливость,
Какой же требует закон,
Чтоб человек в существованьи
Тех преимуществ был лишен,
В тех предпочтеньях самых главных
Был обделенным навсегда,
В которых взысканы Всевышним
Зверь, птица, рыба и вода?

РОСАУРА: Печаль и страх я ощутила,
Внимая доводам его.

СЕХИСМУНДО: Кто здесь слова мои подслушал?
Клотальдо?

КЛАРИН (в сторону, к Росауре.): Успокой его,
Скажи, что да.

РОСАУРА: Нет, я, несчастный,
Здесь услышал, как ты, скорбя,
Под темным сводом сокрушался.

SEGISMUNDO: Pues la muerte te daré
porque no sepas que sé
que sabes flaquezas mías.
Sólo porque me has oído,
entre mis membrudos brazos
te tengo de hacer pedazos.

CLARÍN: Yo soy sordo, y no he podido
escucharte.

ROSAURA: Si has nacido
humano, baste el postrarme
a tus pies para librarme.

SEGISMUNDO: Tu voz pudo enternecerme,
tu presencia suspenderme,
y tu respeto turbarme.
¿Quién eres? Que aunque yo aquí
tan poco del mundo sé,
que cuna y sepulcro fue
esta torre para mí;
y aunque desde que nací
-si esto es nacer- sólo advierto
eres rústico desierto
donde miserable vivo,
siendo un esqueleto vivo,
siendo un animado muerte.

СЕХИСМУНДО: Так я сейчас убью тебя,
Что б ты не знал, что вот я знаю,
Что знаешь слабости мои;
(Схватывает ее.)
И лишь за то, что ты услышал,
Как тосковал я в забытии,
Тебя могучими руками
Я растерзаю.

КЛАРИН: Глухоты
Порок наследственный спасает
Меня от казни.

РОСАУРА: Если ты
Родился в мире человеком,
Довольно пасть к твоим ногам -
И пощадишь.

СЕХИСМУНДО: Смущенный, кроткий,
К твоим склоняюсь я мольбам:
К тебе я полон уваженья.
Хоть я, в тюрьме своей стена,
Из мира знаю столь немного,
Что эта башня для меня
Как колыбель и как могила,
Хотя с тех пор, как я рожден,
Лишь этой дикою пустыней
Без перемены окружен,
И в ней влачу существованье,

Y aunque nunca vi ni hablé
sino a un hombre solamente
que aquí mis desdichas siente,
por quien las noticias sé
del cielo y tierra; y aunque
aquí, por que más te asombres
y monstruo humano me nombres,
este asombros y quimeras,
soy un hombre de las fieras
y una fiera de los hombres.
Y aunque en desdichas tan graves,
la política he estudiado,
de los brutos enseñado,
advertido de las aves,
y de los astros süaves
los círculos he medido,
tú sólo, tú has suspendido
la pasión a mis enojos,
la suspensión a mis ojos,
la admiración al oído.
Con cada vez que te veo
nueva admiración me das,
y cuando te miro más,
aun más mirarte deseo.
Ojos hidrónicos creo
que mis ojos deben ser;
pues cuando es muerte el beber,
beben más, y de esta suerte,
viendo que el ver me da muerte,
estoy muriendo por ver.

Живой мертвец, скелет живой,
Хотя до этого мгновенья
Я не беседовал с тобой
И не видал тебя, и только
Всегда с одним я говори
Кто знает скорбь мою, и знанью
Земли и неба научил,
Хотя ты видишь пред собою
Живого чудища пример,
Что пребывает одиноко
Средь изумлений и химер,
Хотя я зверь меж человеков
И человек среди зверей,
И в столь значительных несчастьях
Внимал зверям, чтоб стать мудрей,
И государственную мудрость,
Смотрев на птиц, я изучал,
И к звездам взор свой устремляя,
Круги их в небе измерял,
Но только ты, лишь ты был властен
Внезапно укротить мой дух,
И усмирить мои страданья,
И усладить мой жадный слух.
И на тебя я с каждым взглядом
Все ненасытнее смотрю,
И каждым взглядом я как будто
Об этой жажде говорю.
И смерть я взглядами впиваю,
И пью, без страха умереть,
И, видя, что, смотря, я гибну,

Pero véate yo y muera;
que no sé, rendido ya,
si el verte muerte me da,
el no verte ¿qué me diera?
Fuera más que muerte fiera,
ira, rabia y dolor fuerte
fuera vida. De esta suerte
su rigor he ponderado,
pues dar vida a una desdichado
es dar a un dichoso muerte.

ROSAURA: Con asombro de mirarte,
con admiración de oírte,
ni sé qué pueda decirte,
ni qué pueda preguntarte;
sólo diré que a esta parte
hoy el cielo me ha guiado
para haberme consolado,
si consuelo puede ser
del que es desdichado, ver
a otro que es más desdichado.
Cuentan de un sabio que un día
tan pobre y mísero estaba,
que sólo se sustentaba
de unas yerbas que comía.
¿Habrá otro -entre sí decía-
más pobre y triste que yo?
Y cuando el rostro volvió,
halló la respuesta, viendo
que iba otro sabio cogiendo

Я умираю, чтоб смотреть.
Но пусть умру, тебя увидев,
И если я теперь сражен,
И если видеть - умиранье,
Тебя не видеть - смертный сон,
Не смертный сон, а смертный ужас,
Терзанье, бешенство, боязнь,
Ужасней: жизнь, - а ужас жизни,
Когда живешь несчастным, - казнь.

РОСАУРА: Тебя я слышу - и смущаюсь,
Гляжу - не в силах страх смирить,
И что сказать тебе, не знаю,
Не знаю, что тебя спросить.
Скажу одно, что верно небо
Сюда направило мой путь,
Дабы утешенный в несчастьи,
Я мог свободнее вздохнуть,
Когда возможно, чтоб несчастный
В своей беде был облегчен,
Увидя, что другой печальный
Несчастьем большим удручен.
Один мудрец, в нужде глубокой,
Среди таких лишений жил,
Что только травами питался,
Которые он находил.
Возможно ли (так размышлял он),
Чтоб кто беднее был? О, нет!
И тут случайно обернулся
И на вопрос нашел ответ.

las hojas que él arrojó.
Quejoso de la fortuna
yo en este mundo vivía,
y cuando entre mí decía:
¿Habrá otra persona alguna
de suerte más importuna?,
piadoso me has respondido;
pues volviendo en mi sentido,
hallo que las penas mías,
para hacerlas tú alegrías
las hubieras recogido.
Y por si acaso mis penas
pueden aliviarte en parte,
óyelas atento, y toma
las que de ellas no sobraren.
Yo soy...

Другой мудрец, идя за первым,
Чтобы своей нужде помочь,
Те травы подбирал с дороги,
Которые бросал он прочь,
Я жил печальный в этом мире,
И вот когда, гоним судьбой,
Я вопрошал: ужели в мире
Еще несчастней есть другой?
Ты милосердно мне ответил,
И вижу, что в такой борьбе
Ты мог бы все мои несчастья,
Как утешенье, взять себе.
И ежели мои мученья
Твой дух способны облегчить,
Внимай, я разверну охотно
Меня постигших бедствий нить...